

Софья Лебедева

Он не просил меня ждать

Рассказы

Софья Лебедева

Он не просил меня ждать. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120633

ISBN 9785448518102

Аннотация

Я люблю эту войну, как процесс, как путь, я люблю любовь, я люблю любить, потому что нет ничего важнее, потому что одно слово, если спросить меня, будет «любовь», потому что последнее моё слово, сколько хватит дыхания, будет – «люблю», потому что я всегда говорю «да».

Содержание

Он не просил меня ждать	5
Маленький	26
Иду навстречу	38
Сияние	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Он не просил меня ждать

Рассказы

Софья Лебедева

© Софья Лебедева, 2017

ISBN 978-5-4485-1810-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он не просил меня ждать

Прощаясь, он не просил меня ждать, да это и не было нам свойственно. Наше прощание ничем не отличалось от тех двадцати, что уже были. Он часто уезжал, пожимая плечами – работа! И на этот раз при виде моего огорчения скупая улыбка осветила его лицо, и он сказал лишь, слегка присюсюкивая, как всегда, когда испытывал ко мне прилив нежности: – Но я ненадолго – недели на две, не больше...

И я затряслась от счастья при виде этой его улыбки. Он так редко улыбался. Он иронично посмеивался, презрительно похохатывал и никогда не смеялся свободным смехом открытого счастливого человека. Для этого он был слишком взрослый и серьезный. Иногда улыбался мне, очень редко, умиленной улыбкой наблюдающего за младенцем старика. Тогда я кожей ощущала, что есть между нами что-то большее легких и необременительных встреч, какими могли бы они показаться взору постороннего. Улыбаясь, он становился моложе, и мне так легко было представить его мальчиком с забавной светлой челочкой и распахнутыми навстречу миру голубыми глазами. Наверное, он был очень славным малышом. Но из того, что он рассказывал мне – один раз – о своем детстве, я поняла, что этого никто не ценил. Именно поэтому, думала я, сейчас его глаза стали такими холодными, и оттого он часто держал их полузакрытыми – то ли

стремясь спрятаться от неприветливого мира, то ли просто не желая его видеть.

Когда он улыбался мне, я почему-то всегда вспоминала пушкинского «Скупца». Еще в школе я читала «Маленькие трагедии» и едва помнила, о чем там шла речь, но его взгляд на меня освещал его лицо блеском золота.

Это глупо, но я почти ничего о нем не знала. Мы познакомились случайно, на улице. И я стала ждать. Он так понравился мне сразу. Но я еще холодела от ужаса, вспоминая свой последний «роман».

Он выглядел как настоящий мужчина – мой дремлющий дракон со своими полузакрытыми глазами. Самый красивый из всех моих немногочисленных знакомых, он был широкоплечий, длинноногий и в пару мне высокий. Как откровенно говаривала одна моя подруга, еще более высокая, чем я: «В наше время не так-то просто найти мужика, который не дышал бы тебе в пупок». И я соглашалась с ней, потому что те двое, с которыми я встречалась до Него, едва равнялись со мной даже без каблуков. Какая уж тут может быть романтика – в макушку его целовать, что ли, пока коротышка сопит, уткнувшись носом тебе в грудь. С Ним я чувствовала себя хрупкой – чтоб заглянуть Ему в лицо, мне приходилось запрокидывать голову.

В Его облике не было ничего мужланского, но и интел-

лигентность в ее распространенном представлении отсутствовала напрочь. Все же что-то заставляло предположить о наличии определенного уровня интеллекта – может быть, речь... богатый словарный запас, произношение и особое построение фраз – этого достаточно чуткому уху, как и отсутствие мата «для связки слов». И эти нервные тонкие пальцы, которыми он перебирал и ощупывал все, на чем останавливался взгляд, особенно когда он опаздывал, а я задерживала его. Но в те первые дни меня привлекло в нем именно мальчишество – Он так заинтересованно смотрел на меня, так увлеченно навязывал мне свое общество, от которого я отнюдь не уклонялась, Он был так нежен, как не был нежен до него никто никогда. Не знаю, может быть, мне так мало было нужно, что я уцепилась за эти крохи нежности и довольствовалась ими. Я не знаю... В то время мой мир был полон Им до краев, он искрился и переливался всеми цветами радуги, как мыльный пузырь.

Позже я увидела Его с другой стороны. Я узнала, как Он умеет кричать, злиться, даже материться, я узнавала его пугающе неподвижный взгляд, когда он был сильно пьян. Я понимала, что в жизни, своей настоящей жизни, он совсем иной – совсем другой человек, чем со мной. Он мог быть груб и мелочно низок. И все же я думаю, что он был одним из немногих, наделенных природной внутренней добротой. Никогда я не узнаю, что заставило его, подобно ракушке, сомкнуть створки, сломаться и очень редко показывать эту черту сво-

его характера. Для меня, несмотря ни на что, он останется непонятой душой. Что-то изменило его, да так сильно, что с тех пор он очень редко и неохотно бывал добрым. Но я-то знала, что за разочарованным лицом, саркастическими смешками, подчеркнутым равнодушием ко всему на свете прячется маленький мальчик с милой щербатой улыбкой. Этот мальчик рисовал на меня безобразные и все же схожие с оригиналом карикатуры, кидал в меня подушки, щекотал, легонько щипал, спрашивая затем с поддельным испугом: «Больно? Больно?» Пинал консервную банку, то и дело поглядывая на меня, чтоб я видела, как ловко он это делает. Смотрел на меня шаловливо и тревожно, как на очень большую, но хрупкую игрушку, тогда мне мнилось, что я видела в его глазах настоящее счастье. Или это мои глаза отражались в нем? Я чувствовала себя его матерью... Часто роли менялись, и уже я выступала в роли обиженного ребенка – сердилась, когда он приезжал ненадолго, всегда торопился, постоянно уезжал. И тогда уже он уговаривал меня «не баловаться». В нем было то сочетание силы и ранимости, которое каждая женщина хочет видеть в любимом мужчине. И еще, может быть, большую роль играло то обстоятельство, что я никогда не могла удержать его надолго. Я слишком часто видела в его лице отблеск дорог, новых встреч, иных собеседников, проблем и дел. Как будто он искал что-то, чего не было у меня.

Я познакомилась с несколькими его приятелями, ничего не зная о них, кроме имен. Я не знала толком, где и с кем он живет. Наши самые первые дни, когда двое как бы присматриваются друг к другу и задают первостепенные вопросы, прошли очень бурно, и вдруг обнаружилось, что мы знакомы тысячу лет. Возможно, я забыла прояснить ситуацию, может, меня мало волновало в те дни, что я могу услышать, или же я просто подсознательно боялась прямых ответов, но сразу я ничего не спросила, а потом спрашивать было глупо. Все равно, что интересоваться у родной матери, когда у нее день рождения – некрасиво. Так все и понеслось. Первая ссора, его озадаченное хмыканье, мои надутые губы. Первый поцелуй, его руки, его сосредоточенный взгляд – как многие мужчины, он занимался любовью так, будто не любил женщину, а в битве завоевывал ее тело, оставаясь при этом чарующе ласковым... это невозможно описать словами. Первая разлука, истощение ожиданием, обкусанные ногти и крестики на календаре, дрожь наркомана в ломке – а наркотиком были наши ежедневные до того свидания. Для него – тогда – это значило не меньше, чем для меня, если судить по нашей встрече после двухнедельной разлуки. Забыв обо всем, мы целовались жаростно и неудержимо, мои руки вцепились в его плечи, а его ладони скользили по мне чуть ниже талии, и я встала на цыпочки, чтоб было удобнее, но шаги по лестнице прервали эту идиллию. Мы торопливо сделали вид едва знакомых людей, должно быть, щеки мои горели. Но после

этого мне было трудно взглянуть на него отчужденно, а затем отвернуться, как планировала я, ломая пальцы от злости, когда он осмелился уехать не прощаясь. Он был у меня третьей серьезной привязанностью, я у него – триста восемнадцатой, но сказать, что в то лето оба мы любили не первый и последний раз в жизни, значило бы предать то лучшее, что было у нас двоих... предать нас самих.

Дальше все происходило менее романтично, более обыденно, более жестко. Мы ссорились. Мирились. Любили друг друга. Не виделись неделями. Не расставались сутками. Купались в одной ванной. Я бросала трубку, когда он звонил. Он обещал приехать и не приезжал. Я хлопала дверцей машины и, не оглядываясь, вбегала в свой подъезд, чтоб под защитой двери сползти на пол, вне себя от переполнявшей меня бури эмоций. Он кричал, что больше никогда не придет. Я смеялась. При случайной встрече его друзья лицемерно сочувствовали мне, и я опять смеялась, скрывая горечь. Он «целовал дверь», приезжая, потому что я, не оставив записки, умчалась с друзьями в ночной клуб. Зная, что он в городе, я спала с телефонным аппаратом в изголовье. Он не звонил. Он звонил, а я делала вид, что не узнаю его голос. Подруги фальшиво убеждали меня в том, что он меня не достоин. Он появлялся на пороге с такой трогательной неуверенностью в том, что я ждала его, после ссоры, и я протягивала ему руки ладонями вверх в знак того, что сдаюсь. Мы снова были вместе, мы снова смеялись, и вдруг в его смехе я

чувствовала чужого... Иногда наши отношения были так же чисты и искренны, как, скажем, любовь Ромео и Джульеты. Иногда мы ненавидели друг друга, будто не менее двадцати лет прожили в законном браке, в одной квартире, под одним одеялом. В целом же все было далеко не так бурно, как я описываю, а иногда даже скучно. В своем поиске неведомого он никогда не ждал меня. Только злился, не застав меня дома, но и то не так сильно, как я надеялась.

Бывало, что он уезжал без всяких предупреждений, чаще же я знала задолго, в какой день он собирается покинуть город и когда вернется. Я очень смутно представляла, чем он занимается – о это безликое слово «дела», за которым может скрываться все, что угодно, от мафии до столь распространенного в настоящее время «купи-продай». Меня это совсем не интересовало. Мне хватало того, что он резко отличался от тех своих приятелей, которых я знала, самоуверенных и невыносимо серых, кичащихся благополучием, которое сверкало тонированными стеклами иномарок, кожей барсеток, звонками мобильных телефонов.

Он как будто хотел чего-то другого. Он как будто понимал, что счастье не в этом.

Он никогда не говорил при мне о каких бы то ни было, женщинах в своей жизни, исключая мать. Подозревать, что у него может быть жена и тем более – дети, было нелепо,

если только он не освоил искусство Штирлица в совершенстве. Как-то очень малопонятно, еще более запутав вопрос, он проговорился о какой-то тетке, ну и, разумеется, у него были родители – как-то при мне он звонил отцу, так что я решила, что с ними он и живет. Тем более что в городе он не жил постоянно, а лишь останавливался у каких-то своих родственников. Да изредка ночевал у меня... Если иногда я и представляла себе, что он может быть женат, то жена его казалась мне совершенно мистическим, абстрактным существом. И когда же общалась эта супружеская пара при постоянном отсутствии супруга, было неразрешимой загадкой, оспаривающей реальность существования брачного союза в его жизни. Спрашивать прямо я не решалась.

А если честно – и волновало-то это меня только тогда, когда он где-то задерживался. В наших отношениях проблемы закрепления уз не существовало. Я... слишком боялась потерять его, чтоб предъявлять претензии. Он... слишком быстро ускользал, явно не желая перемен в своей жизни, большая часть которой протекала за пределами меня. И мне оставалось только надеяться, что однажды он устанет в своих поисках и согласится на то, что я могла ему предложить – мягкий свет настенного бра, кофе в постель и возможность курить, где вздумается, а не только на балконе. Мне еще помнилось, как в одну из наших первых ссор я необдуманно вопила, что, в конце концов, не требую предложения руки и сердца, а просто прошу, чтоб он вел себя, как человек. Так

я и жила — в счастливом неведении.

Я так любила его! Любовь встречается на свете много чаще, чем мы думаем, она многолика и многогранна, она птицей Феникс то и дело восстает из пепла, жизней у нее больше, чем у кошки, она ежесекундно является нам в тысяче облиций и каждое из них — истинно. Я научилась его ждать. Я помню одну ночь, когда я отказалась от попыток развеять тоску среди друзей или утопить ее в алкоголе, и встречала рассвет в одиночестве. Выкурив пачку сигарет, я смотрела, как падает за окном необычно теплый для этого времени года дождь. Я страдала каждой клеточкой своего тела, и физическая боль не могла бы доставить мне такого мучения, как в ту ночь, когда я скучала по Нему. А спустя неделю он ввалился ко мне вдрызг пьяный, замученный неизвестными мне проблемами, и я была счастлива. Вообще-то (но он этого не знал) я всегда была счастлива рядом с ним.

Это может показаться странным, если не более, но мне нравилось, когда он был пьян. Дело в том, что в эти редкие моменты влекущий, бурный и жестокий мир отступал для него на задний план, и я оставалась единственной существующей реальностью. Он пил очень много, не приходя в бессознательное состояние — алкоголь сказывался лишь некоторой заторможенностью движений. Пьяный, он сосредотачивался на чем-нибудь одном — а если рядом была только я... Тогда мы шутили, и смеялись, и открывали друг другу души,

говоря немыслимые глупости. К моему сожалению, он редко так расслаблялся.

У нас был один совершенно незабываемый вечер, когда сначала меня испугало его состояние – настолько он был пьян. Лишь поэтому я смогла преодолеть извечные комплексы, которые заставляют нас молчать, когда самым близким всего-то и надо, что спросить: «Как ты?». Тогда – я спросила. Хотя он не стал исповедоваться, меня не смутило его нежелание обсуждать со мной свои неприятности, и я предложила ему свою помощь. Кажется, это потрясло его. Сочувствие без попыток залезть в душу, которую он столь тщательно охранял от посягательств, пробило стены. Не умея иначе выразить своих чувств, в ту ночь он постарался дать мне все, что мог – а это было немало... Как я не понимала, что этот человек оплачивал свои долги сразу, потому что не любил обязательств. Сколько же нужно было ему любви, если моей явно не хватало – то ли в количественном, а, скорее всего, в качественном (и тут уж я ничего не могла поделать) отношении.

Итак, мы распрощались в очередной раз. Он уехал. Я ходила на работу, коротая вечера перед телевизором, посвящала часы красе ногтей, и мне периодически не хватало дня – я всегда была чем-то занята. Когда прошло две недели, я не забеспокоилась. Я уже привыкла, что он мог и не явиться сразу по приезду, он мог задержаться, он мог сразу же уехать

куда-то снова. Но через полтора месяца я стала волноваться. В этот раз мы не ссорились, а стало быть, он знал, что я буду его ждать. Ненужные мысли лезли в голову – могло произойти что угодно, а я и не узнаю никогда. Разве что случайно встречу кого-нибудь из его приятелей, как это уже бывало. Большинство из них знало, где я живу, но не номер моего телефона. Кто выступил бы в роли гонца с печальными вестями? Постепенно я пришла к мысли, что мне остается только ждать.

И вся моя занятость улетучилась в один миг. Много, слишком много вечеров я провела, пытаюсь сделать что-то – и забывая, что именно, замирая в ванной над не достиранным бельем или в кухне над перекипающим супом, в уме все разбирая по косточкам нашу последнюю встречу и пытаюсь понять, почему он исчез, почему не звонит. Из широкого круга моих подруг и друзей, приятельниц и знакомых почему-то осталась лишь одна, но и с ней я старалась разговаривать как можно короче – вдруг Он не сможет дозвониться? Она-то, Ленка, со свойственной ей бесцеремонностью, и высказала предположение, что он попросту меня бросил. Этот вариант чем-то перекликался и с моими мыслями по поводу. Все же я безболезненно выслушала ее – потому что не принимала всерьез. Меня еще не бросали, я не знала, как это бывает. Мне казалось, что при этом должны произноситься какие-то слова. Не мог же он уйти, как ни в чем не бывало –

и все? Ведь, в самом деле, я не цветок и не письмо. Я также не чувствовала себя транзитным пассажиром или запасным аэродромом.

Поэтому я продолжала жить и ждать. Все так же ходила каждый день на работу, где с утра до вечера меня осаждали студенты, сами не намного младше меня. Ксерокс ломался, произвольно отключался принтер, телефон звонил, не умолкая, и я, вся в мыле, металась между чудесами техники. Пытаясь одновременно отвечать поминутно возникающим со своими проблемами студентам и преподавателям. А деканша, суровая дама внушительных габаритов с кроваво-красными губами, сверлила меня взглядом, в котором читалось: «И зачем мы взяли эту дурищу?». Я прилагала максимум усилий, но мне, как самой младшей, неизменно доставалась роль «мальчика для битья». Перипетии моей «карьеры» затеняли пустоту личной жизни, но не настолько, чтоб я совсем ее не ощущала.

Однажды летом, не смирившись еще с тем, что Он бросил меня, я пошла на свидание, убедив себя в том, что мне необходимы развлечения. Отвергнув притязания поклонника, вернулась поздно, не вполне трезвая, долго сидела на диване, не включая света. Совсем не удивилась, когда зазвонил телефон – так хорошо этот звонок вписывался в мои надежды и чаяния. Подняла трубку и ответила нетвердым голосом: – Да? В три часа ночи какой-то идиот признался мне, что

ошибся номером. Это, конечно, неприятно в такое время, но отнюдь не смертельно, если вспомнить, какими отчаянными рыданиями я разразилась, едва положив трубку...

Я бросалась из крайности в крайность. С утра начинала убеждать себя в том, что с ним непременно случилось что-то плохое, иначе он обязательно дал бы о себе знать. К вечеру с той же категоричностью решала, что он просто забыл меня, выкинул из своих мыслей и жизни, нашел себе какую-нибудь роскошную диву. Предполагаемая соперница рисовалась мне непременно в норковой шубе и с бриллиантами в ушах. Теперь он трется возле ее ног наравне с кастрированным персидским котом. А я жду его звонка, страдая от хронической бессонницы и столь же постоянного недосыпа.

Я делала громадное количество попыток забыть его. Я встречалась с другими, я нашла новых друзей, вернула старых, мне опять не хватало времени, порой я терзалась раскаянием оттого, что не могу равномерно осчастливить своим обществом весь мир, я три месяца посещала курсы вязания крючком, я... Я как могла, заполняла досуг. Я только не могла заполнить то пустое пространство в себе, возникшее в тот день, когда я впервые подумала: «На этот раз я жду его слишком долго». Эта черная дыра была без дна и бездумно поглощала все, что я, боясь, что и меня туда затащит, кидала в нее с размаху. Я радовалась, когда хотя бы час мне удавалось провести в одиночестве и забыв о терзавших ме-

ня демонах. Час проходил, и я понимала, что опять обманулась — я продолжала ждать.

Время лечит, и понемногу я успокаивалась. Но каждый, кто любил, знает, как легко рушится это полное внешне спокойствие от самого малозначительного происшествия. Взгляд вдруг натывается на знакомый жест в чужом исполнении, слух улавливает характерный смешок в разговоре незнакомых людей, случайный собеседник произносит собственное только Ему словечко. Болезненная маята возвращается на свое привычное место, говоря: «Наивная, ты думала, что избавилась от меня? Я с тобой!». Я часами ходила по улицам, надеясь увидеть такие знакомые летящие очертания его машины. Сотни автомобилей мчались мимо, с таким же значком на бампере и просто похожие, но среди них не было Его.

Осенью я встретила одного из его приятелей. Мои надежды увяли, когда приятель признался, что сто лет его не видел.

Безумие подкрадывалось ко мне ночью, после двух часов, когда стихали шаги на лестнице и шум за стенкой, когда переставали сигналить автомобили и по телевизору гнали старые фильмы или музыкальные программы. Рецепт сумасшествия на самом деле прост — надо взять одну часть любви, одну часть одиночества, добавить разлуки и то, что получилось, доверху залить алкоголем, чтоб результат не замедлил себя ждать. Этот рецепт я многократно использовала на себе с немалым успехом. Все кружилось в голове, и я кружилась

по квартире... трогала вещи... напевала вслух стихи:

Жди меня, и я вернусь, Только очень жди, Жди, когда наводят грусть Желтые дожди...

Дальше я не знала. Желтые дожди, желтый цвет измены, желтый дом – так в старину называли психушку, куда я готова была угодить без малейшего сопротивления, в желтом халате я провожала его до порога. И он наклонился и потерся щекой о его желтый бархатный рукав, чтобы вытереть возможный след оставшейся после поцелуев помады.

Пережив в воскресенье похмелье, к понедельнику я была уже молодцом. Натягивала узкую юбку, наносила боевую раскраску, и эти латы держали меня, не давая рассыпаться, до субботы. Если я не успевала расписать выходные до минуты – тем хуже для меня. Потому что рецепт сумасшествия очень прост...

Самым невыносимым было то, что я ничего не могла поделать с той агонией ожидания, в которую превратилась моя жизнь. Я только надеялась, что вот-вот что-то произойдет и разрушит ее, но ничего не происходило. Все было, как было, только он исчез. Пустое пространство во мне замерзло и превратилось в кусок льда, и этот лед вжился в меня, пророс ледяными когтями-щупальцами в руки и ноги, он не таял во сне и не растворялся в алкоголе, я чувствовала его медленное шевеление, его призрачную жизнь. (Постоянными упражнениями я постигала искусство безумия в тонко-

стях.) Я почувствовала этот ледяной кол, когда почти перестала его ждать и почти поверила в то, что он меня бросил. Он ушел, мой дремлющий дракон, мое чудо-чудовище, он оставил мне только воспоминания, только лед и ужас внутри. Все эти месяцы, когда мы ругались, мирились и любили, я, оказывается, строила песочные замки из словечек, улыбок и взглядов. Фокусник ушел, и рухнул, погребая меня отнюдь не воздушной громадой, целый мир.

А я никак не могла в это поверить, даже задыхаясь под тяжестью мокрого песка. Я до сих пор надеялась, что финалом печальной истории будет его появление в дверях моей квартиры, пусть без букета роз, но с жадным блеском в глазах, означающим, что он соскучился. Шли дни, недели, в конце концов, счет пошел на месяцы. Он не появлялся.

И я все больше забывала его нередкую холодность и наши бурные скандалы, частые разлуки и нежелание впускать меня в свою жизнь дальше определенных границ, многое-многое другое. Так случается, что далекие друзья в какие-то моменты вдруг кажутся лучше, чем близкие, и умершие вдруг приобретают те добродетели, которых не имели при жизни. Так, вдруг, я сотворила себе из Него кумира.

Я помнила лишь удар тока в нашу первую встречу, тепло кожи в постели, смех и шутки, известные только нам двоим, дорогие сердцу мелочи и изящные жесты, которые он иногда

делал. И легко убедила себя в том, что с ним что-то случилось. Уж если его знакомые ничего о нем не знают... Ради всего, что у нас было. Ведь было же? Было? А было ли? Я совсем запуталась в фантазиях, снах, мечтах и страхах, которые теперь населяли мою реальность. Я ждала бы его годы, если б не эта мучительная неизвестность.

Толчком к дальнейшему развитию событий послужил звонок тетки из Москвы. Тетя Таня звонила мне, когда не могла дозвониться маме. Самым тяжелым для меня, прямо по пословице, всегда был вечер понедельника. Я тупо сидела перед телевизором, пережевывая трагедию собственной несостоятельности в личной жизни, но мое сознание нет-нет, да улавливало происходящее на экране. Вы, конечно, слышали или даже смотрели эту популярную программу – «Жди меня», а в первом варианте, кажется, «Ищи меня». Обратиться в нее было так реально, так осуществимо, к тому же до Москвы из моего маленького городка было так недалеко. Переночевать можно у тетки. Уже тогда моя идея показалась мне абсурдной, но я никак не могла избавиться от нее окончательно. Она, идея, притягивала меня обещанием прогнать ужас неизвестности – при всей своей откровенной глупости. Сама не зная, как, я стала готовиться. У меня была пленка. Я сходила с ней в «Конику» и большая фотография стала с тех пор украшать мой холодильник. Своим существованием она каждый миг напоминала, для какой конкретной цели появилась в моем доме. Он хмуро смотрел в объектив, и красота

безмятежного синего неба жестоко подчеркивала усталость глаз и губ. В минуты сомнений и дурных предчувствий я ставила его лицом к стене.

Через пару дней я позвонила тетке, изумленной моим вниманием, и напросилась в гости. Я сделала еще один междугородний звонок... Я никому не говорила о своем плане, в котором было столько уязвимых мест, отчетливо понимая, что рискую в конечном итоге оказаться смешной идиоткой — если не хуже. Но это меня не остановило.

И в назначенный день я села на электричку. Я находилась в таком ужасе перед тем, что собиралась совершить, что все вокруг было как в тумане. Я ничего не запомнила ни по дороге, ни в самой Москве, кроме обычной суматохи и разноцветья. Мне пришлось встряхнуться перед встречей с теткой, но потом, к счастью для меня, все мои чувства отключились вместе с памятью. Я практически не помню, как стояла я в скорбном ряду у фонтана, что говорила, держа в руках фотографию, в нацеленную на меня камеру... а потом ушла с ощущением непоправимой и оттого особенно страшной ошибки. Может быть, иногда лучше ничего не знать. И я бросила фотографию в ближайшую мусорную урну.

Да, я сделала это. Я наплела тетке, что у меня встреча с подругой, я поехала в большой магазин, где уже были люди с черными провалами вместо глаз, они искали кого-то, как и я, и у многих потери были страшнее моих. Я заранее вы-

учила наизусть свой коротенький, безличный текст. Если бы меня спросили, я не смогла бы даже сказать, кем мне приходится человек, которого я ищу. К счастью, никто не заинтересовался подробностями. Там было слишком много женщин в черном, как и я.

Потом я вернулась домой и стала ждать развития событий. Дни шли в обычном ритме. Возвращаясь с работы, я кормила заведенную для компании кошку и замирала в ответ на телефонный звонок. Звонили мне часто, но по пустякам – без иронических или соболезнующих расспросов о моем дебюте на телевидении. Я и страшилась, и надеялась, что никто из заинтересованных лиц меня не видел.

На выходных мною овладела лихорадочная жажда деятельности – как следствие прошедшего полукоматозного существования. Будто что-то я сбросила и теперь пыталась начать жизнь заново. Я почти забыла обо всем, почти. Я решила заняться генеральной уборкой своего жилища и как раз вытирала шкаф, когда где-то под грудой небрежно сваленных в кресло вещей завершал телефон.

Я слезла с табурета, убавила громкость радио и лишь потом, в спешке опрокинув ведро, извлекла аппарат и сняла трубку. К счастью, воды в ведре было мало. Женский голос резал ухо не скальпелем хирурга, но пилой неумелого плотника. Убедившись, что я именно та, кого она ищет, женщина бешеным водопадом стала изливать на меня свою ярость.

Ее невозможно было перебить или остановить, так что после вспышки моей активности в этой драме мне снова отвели пассивную роль. Теперь – слушателя. И я слушала. Спустя минуту я высвободила шнур и рухнула в кресло, глазами фиксируя растекающуюся во все стороны грязную воду. До сложенного у стены ковра ей оставалось совсем немного. Одновременно я чувствовала, как тает во мне тот кусок льда, как он разбегается приятным холодком по всему телу и медленно исчезает. Для этого мне пришлось приложить трубку к груди, но я все равно слышала все, что она мне говорила, и тем кусочком сознания, который вполне хладнокровно отмечал затопление ковра, искренне восхищалась качеством современной телефонной связи.

Жар в голосе этой женщины растопил бы Антарктиду, но она обрушила его на меня. Она кричала, вопила, она орала и угрожала, не переводя дыхания и не останавливаясь, чтоб собраться с мыслями. Но за этим чувствовалась какая-то выдохшаяся тоска, будто она давно уже сложила и отрепетировала эту бесконечную речь, только ей до сих пор было не на кого ее излить. От заученности эффект ее колких фраз несколько терялся. Но главное я поняла. Та самая, абстрактная, жена моего героя, воплотилась наяву, если можно так выразиться, во всей мощи своего телефонного голоса. А с ним все было в порядке – жив и здоров, не попал в автокатастрофу, не заболел, не захвачен террористами

с целью выкупа. Просто ушел от нее так же, как ушел от меня. Большим облегчением было узнать, что сам он совершенно не в курсе этой забавной истории с поисками. Она просто воспользовалась мною, чтоб было на кого излить свою боль и праведное негодование. Как будто я не была такой же пострадавшей, как она, от его редкостного дара обманчивой доброты.

Вот и все. В хорошие мои минуты я надеюсь, что у той третьей, которая нежданно-негаданно для себя познакомила двух сестер по несчастью, он, мой дракон, нашел то, что безуспешно искал в нас и, может быть, в ком-то еще. И каждый день она видит на его губах сытую улыбку удовлетворения без маятника дороги в глазах. Я представляю, что он стал совсем другим человеком, смеется открытым счастливым смехом, и забыл прежнюю бродячую жизнь, а вместе с ней и нас. Как будто так может быть. Но я надеюсь...

Тогда его уже бывшая жена заплакала, не выдержав напряжения, через пару секунд я положила трубку и заревела сама. Больше она не звонила. Я вспоминала этот мучительный год, когда я стала находить у себя седые волосы, и подвывала, обняв себя руками, и раскачивалась из стороны в сторону. Так продолжалось долго, и, в конце концов, я заснула в луже грязной воды и с телефоном на коленях. А когда я проснулась, наступил уже новый день.

Маленький

...Вот он идет – маленький такой, глаза доверчивые, штаны сползают, идет-идет, сейчас упадет, сейчас-сейчас... грохнулся. Так хочется помочь, но нельзя – он должен сам научиться ходить.

На пересечении двух улиц, там, где сквозь ажурную решетку городского парка можно увидеть яркую витрину магазина для новобрачных, есть мало кому известная калитка – еще один вход в парк. Эта калиточка с одной стороны почти скрыта сильно разросшимися кустами, с другой стороны ее загораживает какой-то аттракцион. К тому же к ней не ведет ни одна из многочисленных аккуратных дорожек в парке. Поэтому сюда мало кто заглядывает. Но если войти в нее – становится ясно, что молодежи из близлежащих домов и учебных заведений хорошо знакомо это место. Кто-то притащил сюда несколько скамеек, явно из тех, что стоят вдоль аллей парка, и даже большую урну. Днем это – «курилка». А вечерами, когда стемнеет, здесь собирается небольшая «тусовка» из посвященных. Посторонние редко сюда заглядывают. Взрослые – еще реже. Иногда забредают маленькие дети, убежавшие из-под присмотра своих гуляющих в парке мамаш.

Летним днем, когда жара уже сменяется вечерней ду-

хотой, там, возле самой ограды, стоял маленький мальчик и внимательно разглядывал происходящее на улице. На тротуаре медленно собирались зеваки, но между ними еще можно было разглядеть лежащее ничком на асфальте тело. Судя по длинным волосам и фигуре, это была молодая женщина, скорее даже девушка. Кто-то из наблюдателей догадался вызвать «скорую», но в этот момент в парке раздались истерические крики, а еще через минуту на полянку из кустов вывалилась растрепанная женщина и схватила ребенка за руку. Видимо, это была мать. Выговаривая ему с явным облегчением в голосе, она, не обращая внимания на сборище людей, потащила мальчика прочь.

Сначала я спал. Просто спал. Мне было хорошо и уютно. Впереди была моя жизнь, и я точно знал, что буду в ней победителем. Но скоро в мое сонное существование стали прокрадываться ее кошмары. Очень быстро я понял, что она собирается меня убить. И ничего не мог сделать, чтоб помешать этому – я был еще слишком мал, попросту никто и ничто, она не слышала моих просьб и криков. Я чувствовал, что она не хотела этого и сама, но на ее волю давила другая, более сильная, и она покорно подчинилась ей. А ведь я должен был быть ей ближе всех... Тем не менее, она не дала мне даже маленького шанса на жизнь. Иногда мне чудился чей-то мягкий голос, с недоумением и тревогой предупреждавший меня о чем-то, неодобрительно относящийся к моей

ярости, к моему стремлению жить – именно здесь и именно сейчас. В ответ я мог лишь открывать рот в беззвучном крике протеста.

Я не хотела этого. Но кто в это поверит? Когда-то – это было давно – я верила в то, что не буду совершать таких глупых ошибок. Я верила, что моя жизнь будет иной, как многие до меня, и, как многие до меня, ошибалась. Мне было страшно, когда я поняла, что случилось. Мне надо было справляться с этим самой. Мне самой надо было выбирать, чего я хочу. Как будто выбирать легко. Особенно делать такой выбор. И я выбрала то, что было проще всего – спокойствие для всех.

Такое довольно часто случается. Молодая девушка из «хорошей» или просто «нормальной» семьи, вдруг оказывается беременна. В ужасе родители, в ужасе девушка, в ужасе ее юный друг, надеявшийся, что «развлечения» пройдут бесследно и вовсе не жаждущий пока обзаводится семьей и писклявым отпрыском. Всех устраивает только один вариант – аборт. Может быть, сама девушка имеет что-нибудь против, но подчиниться намного проще. В конце концов, и она понимает, как прекрасно все устроилось. Все счастливы. Все довольны. Скоро все забывается.

Нет, у меня все было не так. Мне было не пятнадцать, не семнадцать и даже уже не двадцать лет. Если не считать того, что жила я с родителями, материально я от них не зависела. Но зачем мне проблемы? Один день в клинике – и все. Так говорил он мне, и я старалась ему верить. Без лишних

осложнений. Ему тоже не были нужны мои проблемы. А мне было страшно, боже, как мне было страшно. И плохо. Большинство моих подруг – все – успели пережить «это» как минимум раз задолго до меня. И я думала, что теперь «это» со мной уж точно не случится. К тому же говорили, что у меня «там» какие-то проблемы... И вдруг – раз! «Скоро вы станете матерью». А кто-нибудь спросил меня, хочу я этого или нет? И жалко же маленького, боже, как жалко...

Но себя мне было еще жалче. Меня постоянно то знобило, то тошнило. Едва я узнала о его существовании, он, как мог, портил мне жизнь. И его отец – тоже. При каждой встрече он настаивал прекратить зародившуюся во мне жизнь. Когда у меня почти не осталось времени на размышления, я решилась.

Это был кошмар. Она уснула, но я, я не уснул! Я чувствовал все, что происходило, до самого последнего движения, погрузившего меня, наконец, в темноту и тишину. Кто-то разрезал меня на куски. Я не должен был этого чувствовать, не должен был ничего еще понимать, но я все понимал и чувствовал ужасную боль. А если б вас резали живьем? А если б части вашего тела складывали на столе, чтоб проверить, все ли в наличии? Вам бы это понравилось? Я возненавидел ее и убил бы, если б только мог. Но скоро все кончилось...

Это на самом деле оказалось очень просто, он был прав. Совсем не больно – а я предпочла бы, чтоб мне было боль-

но. Тем не менее, спустя час после того, как я проснулась окончательно, я уже не чувствовала ни малейших признаков «болезни». Можно идти домой и забыть. Но меня продержали в клинике до вечера, а потом он приехал и отвез меня домой. Такой ласковый, такой заботливый, забрал у меня пакет с вещами и донес до машины – небывалое событие. Поцеловал меня, прощаясь – показалось мне или он и в самой деле не хотел меня целовать? Лично мне бы не захотелось поцеловать саму себя. Но я ведь сделала это не только для себя, но и для нас двоих, не так ли. А потом он пропал на неделю, не звонил и не приезжал. Что ж, мне было о чем подумать и без него. Я никак не могла поверить, что это произошло со мной, да, со мной, Мирошиной Еленой Александровной, умницей, красавицей, активисткой. Как же я оказалась такой идиоткой и допустила, чтоб это произошло? Как я могла решиться на убийство собственного ребенка, частицы себя? Как? Впрочем, я вру. Тогда я не думала об этом, мысли пришли позже. Тогда я жила в каком-то странном состоянии отрешенности – как будто все плохое, что могло со мной случиться, уже случилось. Мне больше нечего ждать, но и надеяться, что все изменится к лучшему, бесполезно!

Он появился без всяких объяснений и все пошло по-старому. Я поняла, что это время – эту неделю после – он отвел нам обоим на переживания и раздумья. Он всегда так разумно все разграничивал – работу и удовольствия, развлечения и отдых, секс и эмоции, семью... и личную жизнь. Я подчи-

нялась ему. Он был старше, мудрее, опытнее. А значит, он знает лучше меня. Что лучше для нас обоих. Так банально, не правда ли. Я понимала это. Миллион раз такое уже происходило с кем-то, и будет происходить дальше, каждый раз – первый. Первая любовь, первая боль, первое разочарование, а потом становится все равно. Мне стало все равно, я поплыла по течению.

И только ночью, когда я не могла уснуть в своей красивой удобной кровати, ко мне приходили призраки, чтоб истязать мою душу. Не помню их лиц, не смогу повторить их имен, помню только выкручивающую суставы, ломающую кости, выжимающую меня досуха боль. Я была преступницей. И никого не было рядом со мной – даже того, с кем вместе мы совершили это преступление.

Не знаю точно, в какой момент началось это мое призрачное существование. Сначала я считал, что я – это она. Я долго жил ее жизнью, ее мыслями и даже ее снами до того, как осознал, что я – некая отделенная от нее сущность, бесплотная тьма ее тела. Потом я понял, что я и есть ее «мальчик», «мальши», «маленький», словом, тот, кого она оплакивала ночами, лежа без сна. Каким-то образом я не умер, как считала она, а остался жить в ней внутри. Это было странно и страшно. До того, как я вспомнил, мне было жаль эту женщину, с которой мы составляли одно целое. Такая

молодая, глупенькая... мне казалось – я много старше ее. Наверное, оттого, что я должен был родиться мальчиком. А она могла по часу выбирать наряд для встречи с человеком, который должен был стать моим отцом, и еще полчаса тратить на размышления о цвете губной помады.

Однажды у нее закололо в боку. Это оказался аппендицит, она попала в больницу, наркоз... Совсем как тогда. Пока ее резали, я был в ней, я вспомнил. Что было до того, как мы вместе стали пробираться между белых пушистых облаков. Жалость к ней испарилась вместе с остатками наркоза. А она ничего не подозревала.

Со временем я перестала терзать саму себя. Я уже поняла, что на самом деле никаких призраков не было и все мои мучения – лишь выбросы чувства вины. Через полгода окончательно прошла мучавшая меня бессонница. Тут бы мне и жить спокойно. Но отчего-то не жилось. Он никогда не вспоминал об этом убитом нами ребенке – по крайней мере, вслух. Но откуда мне было знать, сколько уже на его совести таких убитых детей. Ведь я была далеко не первой его любовницей и возможно, не последней. Наверное, со временем привыкаешь жить с этим. К тому же мужчины все воспринимают по-другому.

Все случилось, как я хотела – он развелся, оставив без от-

ца еще двух детей. Мы должны были пожениться, и я уже официально познакомила его со своими родителями, только дата нашей свадьбы все откладывалась и откладывалась по разным причинам. А я и не огорчалась. Я все думала о том времени, когда я стану его законной женой. Сколько месяцев будет в моем распоряжении, пока он не начнет разграничивать семью и личную жизнь? А нужны ли будут ему мои дети? Если, конечно, я смогу их ему родить. Мне вдруг страстно захотелось того – несвоевременного, ненужного ребенка. Бедный малыш, не знавший, что его убьют за то, что его родители были неосторожны, и он мог бы родиться на год раньше, чем им было нужно.

Рядом с предприятием, где я с 8 до 5 стучала по клавишам компьютера, находился городской парк. Там, в парке, находилось одно заветное местечко, облюбованное молодежью и хорошо знакомое мне с юности – жила я тут же недалеко и помнила еще, как мы стайкой одноклассников собирались здесь перед дискотекой, чтоб принять необходимую для веселья дозу алкоголя. Прошли годы, одноклассников разметало по городам и весям, – кто учился, кто женился, – а я все бегала сюда покурить вдали от глаз и языков. И иногда встречала здесь старых друзей, зашедших с той же целью. Конечно, я уже никогда не появлялась здесь вечерами. Место нашей «толпы» заняли другие – такие же юные и глупые, приходившие сюда для того же, что и мы когда-то. Днем в парке было тихо. Дремали на скамейках старики, бродили

какие-то случайные люди, и конечно, здесь всегда были родительницы с колясочками. Эти собирались здесь в любое время года – ведь детям необходим свежий воздух и меньше шансов, что расшалившийся малолеток угодит под машину. Матери собирались в кучки, обсуждали недостатки подгузников, рецепты каш и преимущества грудного вскармливания. Детишки бегали по аллеям. Если кто-нибудь ускользал из пределов материнского взгляда, сразу же раздавался крик, а спустя время – звуки энергичных шлепков и мяуканье, разрывающее сердце. И я могла сидеть среди них. И у меня...

И у меня мог быть такой же пацан с поцарапанным носом, что неожиданно вылез сейчас из кустов, перебивая мои мысли, и с интересом смотрел на худую, унылую тетку с сигаретой в одной руке и пакетом булочек, которые я купила для полуденного чаепития на работе, в другой.

– Привет! – сказала я осторожно.

– Пливет! – ответил он, совершенно меня не испугавшись. Наверное, мать еще не успела внушить ему, как опасно доверять незнакомым людям. И судя по всему, заболтавшись с подружками, еще не успела заметить, что ее ребенок пропал.

– Как тебя зовут?

– Дима, – произнес он и улыбнулся.

Представ, какие чувства сейчас будет испытывать его мать, я решила, пока не поздно, вывести его из-за кустов.

Вдруг...

Я видел этого ребенка ее глазами и от души завидовал ему. Ведь у него есть мать, не стоявшая в свое время перед выбором, или сделавшая выбор в его пользу – но мне-то от этого не легче. Я подумал, а что...

А что, если мне попробовать стать им. Пусть не получится – я ведь могу попробовать. Есть же во мне какая-то злая сила, которая сумела выжить после гибели физического тела – если можно назвать физическим телом эмбрион. Так почему бы ей не захватить себе чужую жизнь? И я рванулся прочь из своей клетки, вытек из ее глаз черным сгустком материи, вырвался из ее живота проросшей в нем паутиной и вошел в него, ощутив при этом жутковатую боль своего рождения.

Наконец-то я смог ее увидеть. Она стояла прямо передо мной, и на лице были написаны удивление и страх. Я успел подумать, что она действительно красива. Какое измученное, затравленное выражение вдруг появилось у нее в глазах, как поникли плечи. Теперь я мог исполнить свое заветное желание – отомстить. Она повернулась и побежала прочь, я следом. Но я опять был слишком мал... Нащупав рукой обломок кирпича, я швырнул его ей в спину. Мне не хватило сил, обломок даже не перелетел через ограду. Она молча, без криков о помощи, выбежала на тротуар, как вдруг упала, сраженная невидимой силой. Я стоял и смотрел, как вокруг нее собираются недоумевающие люди, кто-

то перевернул ее лицом вверх, кто-то неумело щупал пульс. Красивая, здоровая на вид девушка вдруг падает и умирает посреди дороги. Но не я убил ее, нет. Я почувствовал слабость и усомнился в правильности своих выводов. Но женщина, которая кричала на меня и больно схватила за руку, была вполне реальна. Это была моя мать.

Я почувствовала ту самую боль, которой мне так не хватало когда-то. Тогда я придумывала ее сама, мучаясь не меньше, чем от реальной. Что-то покинуло меня с этой болью, и это «что-то» выглянуло из мальчика напротив. На миг он стал похож на меня и на него... он смотрел так зло и отчужденно, что я поняла – сейчас он на меня кинется. Не раздумывая, я побежала вон из парка. Но не успела.

– Ты, зая? Ну, привет. Как там твой мелкий, не шалит? Ох, не говори, маленькие детки – маленькие бедки. Я от своего скоро совсем с ума сойду. Что ли обиделся на меня – третий день молчит, не разговаривает вообще. До этого так потешно болтал, только картавил слегка, а вообще он у меня уже хорошо разговаривал. Ну, не говори... После чего? А вот помнишь, Ленка из восьмого дома как умерла, да так странно – молодая такая, замуж, говорят, собиралась, вдруг на тебе – упала и умерла посреди дороги. Ну... В этот день и мой замолчал. Я тогда отругала его сильно – не успела отвернуться на минуточку, а он и убежал, еле нашла. Слушай, дети в этом

возрасте так быстро меняются. Димка на свои фотографии последние и не похож уже. Ну? И твой, говоришь, тоже?..

Иду навстречу

– Алло, я слушаю. – Алло, я здесь.

– Где – здесь? Она назвала место. Он прикинул – до угла было три минуты пешком.

– Иди навстречу!.. – Хорошо.

Он сунул телефон в карман пальто и понял, что не сказал – куда именно навстречу. Ускорил шаги. И вдруг в один миг увидел её всю: и прядь волос в вольном полете, и лицо, и кисть руки, полуприкрытую мехом, на ремешке сумочки...

Они пошли в кафе, пили чай с пирожными. Она курила. Он рассказывал, что только приехал из Парижа и что снова собирается туда – скоро. А если в этой стране и дальше все будет так же плохо, то, может быть, переберется туда навсегда. Она говорила о том, что приехала в Питер всего на несколько месяцев, может быть на год, что ей надо разобраться в себе и что ищет работу. А потом очень внятно произнесла адрес своей квартиры.

Вечером он пришел в первый раз. Она угостила его каким-то невероятно вкусным соусом из полуфабрикатов. Опять пили чай, он пересказывал анекдоты, и вдруг, глядя на её пушистый затылок (она сдавленно хохотала, уткнувшись в колени), отрешенно подумал, что ей нужны деньги.

За эту убогую квартирку она наверняка отдала все свои сбережения, а надолго ли их хватит? Уходя, спросил нерешительно: – Если тебе нужны деньги?.. Она удивилась: – Деньги? Да нет, не нужны, – а про себя подумала, что деньги берут с похотливых стариков и богатых придурков, а с друзей и любимых денег не берут.

Он был другом.

На следующий день она нашла работу. Не самую лучшую, но на жизнь хватит.

Он приходил раз в неделю, два раза в неделю, каждый день, иногда один, иногда с друзьями, которых она классифицировала как Принца и Профессора. Принц был красив, как узкая и породистая собака – гончая, например, или далматинец. В жизни у него была одна проблема – женщины. Умные и красивые женщины охотно с ним спали, общались и вообще пользовались. Глупые и красивые не могли придумать для него другого практического применения, как немедленно выйти замуж. Или, как минимум, перебраться на его жилплощадь. После этого они разочаровывались в Принце – природа предназначала его для чего-то другого и хороший муж из него не получался. В основном разлад новоиспеченной семьи начинался с того, что на Принца вешались женщины вообще. «Но это же наивно – надеяться, что

он может принадлежать только одной...» — сказала по этому поводу одна из его бывших любовниц, умная и красивая. Некрасивые Принцу как-то не попадались. По жизни. В этой своей основной жизни Принц был заместителем редактора не очень большой газетки и довольно ценный профессиональный кадр. Вот только женщины...

Профессор был, мягко говоря, непривлекателен внешне: плотный лысоватый коротышка в очках, всегда какой-то помятый. (В браке первый и наверняка последний раз, трое детей. Пока трое.). Но когда он начинал говорить, очень медленно, с обаятельным прибалтийским акцентом, хотелось смотреть только в его всегда усталые глаза и слушать только его печальный голос. В этом у всех троих было нечто общее: их слушали, не перебивая. Видимо, сказывался опыт педагогической деятельности. Принц до газеты успел поработать в каком-то ВУЗе, Профессор и был профессором. А он!..

Когда его друзья пришли в первый раз, она поняла: решено. И Принц, и Профессор относились к ней с неким старомодным уважением и интересом. Так мужчины уважают любимую женщину друга. Она могла бы легко сделать их своими, но зачем?.. Всё равно уезжать. Когда-нибудь. Хватит с неё одного друга-любимого, одной болезненно-прочной ниточки в сыром и сером городе.

Дождь шел, кажется, уже несколько недель, не переставая.

Утром это была морось, которая приятно холодила лицо. Вечером – ливень, он мочил подол пальто и продукты в пакете. И это ужасное серое небо за квадратами окна. Она задергивала шторы, садилась в скрипящее кресло с ногами, читала и ела – бутерброды, семечки, фрукты.

Уже спустя пару месяцев её съемная квартира была точь-в-точь как она сама, нищета и роскошь. На стене с обоями грязноватой совковой расцветки – ажурный светильник, чтоб было удобно читать в постели. Пушистый темно-синий плед. Ни радио, не телевизора – зато пачками валяются газеты, журналы и книги. На одной стене юношеская акварель Принца в деревянной рамке. На столе подарок Профессора: очень приятный на ощупь плюшевый медведь с ладонь величиной. На кухне то же самое: очаровательная ведьма на метле, изделие каких-то дружественных славян, и мятые алюминиевые кастрюли, брошенные за ненадобностью прежними хозяевами квартиры. Воду для чая она долго кипятила в кружке, пока кто-то не принес ей миниатюрный электрический чайник. Ни одной картофелины и горы кожуры от мандаринов, в квартире всегда чуть-чуть пахнет Новым Годом. На работу она носила одни и те же непритязательные джинсы со свитером. А под джинсами – кружевное бельё. Зато домашняя одежда немаркая и практичная. Не считая, конечно, двух шелковых пеньюаров... которые она надевала после ванны.

В первый раз он остался ночевать как-то ненарочито, почти случайно: взял да заснул на диване. Только что листал альбом с видами города, только что говорил... — а вот она исчезла на минуточку в кухне, чтобы налить чаю... вернулась — он уже спит, полулежа, полусидя, и альбом на полу раскрытый. Она села перед ним на корточки, всмотрелась в лицо. Темные реснички лежат на щеках, как приклеенные. Дыхание спокойное. Тихо-тихо, чтоб не звякнула ложечка, поставила чашку на журнальный столик (сама смастерила из широкой доски и картонной коробки, накрыла куском ткани до пола, вот вам и стол). Любимый пенюар лежал на другом конце дивана, под одеялом. Вышла из ванной, потушила свет и улеглась рядом. В квартирке не были предусмотрены другие спальные места.

Ночью они нашли друг друга. Подумалось было потом, ближе к утру: а не по ошибке ли. Мало ли кто и где заснул. Нет, нет. Всё так. Все правильно. Если б не сегодня, то — завтра.

Иногда не приходил день, два, три, неделю. Оставалось только гадать: в командировке? Заболел? Впрочем, разве она ждала, покупая свечу вместо перегоревшей лампочки.

Когда хронически не хватало денег и ужина, натягивала

единственное платье и ехала в центр, шла по проспекту. Никогда не надо было идти слишком долго: всегда кто-то подходил. Представлялась первой частью своего имени, так её называли учителя, и то недолго, а больше никто. Едва подняв глаза, она уже знала, что будет, и честно платила по счету, если его предъявляли.

С самого первого раза она придумала себе историю, которую повторяла потом при необходимости, не запинаясь. Номер телефона не давала: домашнего не было, а мобильный с собой не брала. Жила якобы у родственников, якобы не работала. Как-то попала в эпицентр пьяной разборки, и то: замахиваясь на потаскушку, крутой вдруг оробел, увидев спокойное бледное лицо, и опустил руку. Видно, оттого, что не просила, в сумочку по утрам совали купюры, крупные и не очень. Она не отказывалась, а в чем же иначе была суть? Не огорчалась, когда купюр не было. Не встречалась больше со своими случайными любовниками, не привязывалась к ним после проведенной вместе ночи. Ехала домой, переодевалась и никогда не опаздывала на работу. Думала: приходил он накануне? Пропущенные вызовы на телефоне: от него никогда.

Он приходил на следующий день, с вином и апельсинами, курицей гриль и пакетом овощей. Иногда с цветами: роза на длинном стебле, сиреневые ромашки – именно ромашки,

не герберы, мелкий букетик первых фиалок, строгие, плотно завернувшиеся в себя малиновые тюльпаны. Сначала она ставила их в литровую банку. Потом Профессор принес ей узкую серебристую вазу. Она чувствовала в нём родственную душу по отношению к красивым вещам, не имеющим большого практического смысла, будь то плюшевые медведи, вазы или роскошно изданные альбомы фотографий.

Они никогда не говорили о том, приходил ли он, когда её не было дома. Приходил. Звонил в дверь, стучал – звонок был тихий, в ванной она могла ведь его не услышать. Выходил на улицу, смотрел в тёмные окна. Сидел на площадке между этажами и жалел, что не курит. Чувствовал боль оттого, что не может спросить, просто спросить, где была она вчера. Возможно, на то была сотня благовидных причин. Где-то в пригороде живут родственники, ездила в гости, заболела племянница – мало ли? Не спрашивал. И она молчала.

Однажды он остался у неё на целую неделю. Она удивилась еще, когда он не поднялся по первой пронзительной трели будильника, обычно он вставал раньше. Попыталась поднять его завтракать, он лишь махнул рукой: «М-м-м». Прислушалась к памяти вечера накануне: да нет, все как обычно. Оставила на кухонном столе второй ключ.

На улице было по-прежнему серо и размыто, одно и то же

что утром, что вечером. И жизнь похожа на сон.

Когда она вернулась, он читал одну из её книг. Быстренько сообразили ужин. Хорошо было вдвоём поужинать, и помолчать, и лечь спать так, как будто бы давным-давно они живут вместе, и он моет посуду, а она стелет постель.

Спустя пару дней она заметила, что он постоянно прислушивается. Он вздрагивал, когда у соседей вскрикивал ребенок или резко сигналила машина на улице. Она поняла: ждёт звонка. Его телефон звонил иногда, это был Профессор или Принц, или с работы. После этих звонков она видела у него на лице лёгкое чувство стыда, и разочарования, и облегчения – целый коктейль. Опускала глаза, молчала, давая время опомниться. А потом как обычно: тихий вечер.

Однажды пришел Профессор. Едва заметные паузы в разговоре подсказали, что нужно делать. Она уронила на пол солонку и пошла к соседке за солью. Попила там кофе, мучительно поболтала ни о чем, выкурила чужую невкусную сигарету. Проскальзывая в дверь, услышала насмешливый голос Профессора: – Ты думаешь, она не понимает? И скрип кухонного шкафа. Она точно знала, на самом видном месте там стоит пачка соли. Просто потому, что больше ничего нет: основной запас продуктов в холодильнике, посуда – вся на столе.

Звякнула брелками и все стихло.

Еще через два дня она нашла второй ключ от своей квартиры в почтовом ящике. Подумала: наконец-то позвонил тот, а скорее та, которая давно должна была позвонить.

Ключ этот он увидел в первый же день, когда проснулся ближе к обеду. Жизнь катилась непонятно куда; на работе предложили взять больничный или в счет отпуска; и только здесь – такой хрупкий мирок. Оазис. Пережить, переждать... Вставил ключ в замок, повернул – подходит. Хмыкнул и включил чайник. Выходил иногда в магазин, чтобы купить то, что она любила. Она не благодарила, разве что поначалу, и глаза не светились щенячьи восторгом: принимала как должное. А если б и не покупал, верно, не попрекала бы. Это задевало немножко – что же нужно, чтоб засияла и на шею кинулась?

Целый день он потратил на то, чтоб выбрать подарок. Ходил по бутикам и ювелирным салонам, косметическим магазинам и книжным лавкам. Трогал серебряные фигурки кошек, толстые переплёты книг, вертел в руках хрупкие безделушки, особенно присматривался к кольцам – знал, что она любила кольца, но отходил от витрин снова и снова: в кольце – как будто намек, что-то невысказанное вслух и похожее на сожаление. Звонил сначала Виктору (Принцу), а по-

том Михаилу Эммануиловичу (Профессору), но они не могли подсказать дельного, говорили только новые адреса. Он ехал, а там было то же – серебряные кошки, кольца, вазы... Браслет? Цепочку? Хороший кулон, если судить по цене – но два бриллианта, что за пошлый намек. Никуда не годится. Магазины были полны вещей, одинаково прекрасных и бесполезных, и всё это было не то. Устав выбирать, в парфюмерной лавке он купил самый дорогой флакон.

– Прекрасный подарок, – зашебетала продавщица.

Что может быть эфемернее запаха.

Однажды он не приходил долго, очень долго. Он был в Париже, а может быть в Махачкале, или в Мельбурне. Когда пришел – окна были темны. И на следующий вечер, и три дня спустя. А потом дверь ему открыл мускулистый парень в тренировочных штанах. В районе солнечного сплетения явственно почувствовалась дырка, которая не успела преобразоваться в черную воронку: парень прямо заявил, что вселился только сегодня и понятия не имеет, кто здесь жил раньше и куда съехал...

Телефон звенел долго, противно. Не хотелось отвлекаться от работы. На экране светился совершенно незнакомый номер.

– Я слушаю вас, – с интонацией «девушки-в-офисе», ко-

торая постоянно отвечает на звонки.

– Я здесь, на вокзале.

Это его голос.

Приехал.

Нашел.

До вокзала по прямой – пятьсот метров.

– Иди мне навстречу... Заметалась – шубка, перчатки, сумочка...

Куда – навстречу? Он пошел вперед, все ускоряя шаги.

Сияние

Видеть сияние бабка учила меня лет с пяти. Она совала мне под нос руку и твердила снова и снова:

– Смотри внимательно. Видишь? Как будто лучики по скатерти, небольшие такие?

Я смотрела, но видела только морщинистую кожу и косой шрам чуть выше запястья. Но бабка не сдавалась. И однажды я увидела его – тоненькие иголки, желтые, как сама бабка Светлана.

Строго говоря, Светлана приходилась мне прабабушкой. Её дочь, моя бабушка, умерла лет 20 назад. Но тогда я об этом не знала.

Светлане было уже лет 80. Она сохранила не только рассудок, но и здоровье. Поэтому мать, занятая моими младшими братьями, доверила моё воспитание ей. До 10 лет именно баба Света заплетала мне жидкие косички, варила кашу на завтрак и водила в школу. А по вечерам учила другому:

– Самое опасное – грязно-синее. Если увидишь такое, лучше с этим человеком и не говори даже. Так или иначе, он постарается сломать твою жизнь... Да и вообще лучше не связывайся с «синими». Мужа и друзей выбирай из тех, у кого увидишь зеленое. Сиреневые, фиолетовые, – они не от мира сего. Их очень мало, и зло они, как правило, при-

чинить неспособны.

– Оранжевые и красные – сильные. С такими будь осторожна. Согнут, растопчут и не заметят. Им только друг с другом хорошо, а другие им не указ. Других они ломают...

– У большинства людей сияние блеклое, почти бесцветное, серое. Эти обыкновенные, не жди от них ничего – ни большого добра, ни особой печали.

– Самое хорошее – тепло-желтое, абрикосовое, розовое. Особенно розовое – ты таких людей не обижай никогда... Беззащитные они.

– Сияние меняется. Вот ты еще маленькая, у тебя сияние розовое. И у друзей твоих всех розовое. А какое оно будет, когда вы вырастете – никто пока не скажет.

– А к старости сияние у всех почти одинаковое. Вот как у меня. Это значит – всё. Скоро уже туда, к нему...

– Ба, а черное сияние бывает?

– Может, и бывает. Только я не видела. Да и тебе не приведи господь. Страх небось...

– А кто тебя научил сияние видеть?

– Меня – моя прабабка. Семейное это у нас...

Потом бабка умерла. Я так и не успела спросить у неё, кто это «он», к которому она все собиралась. Да и вообще на много лет забыла про какое-то там сияние. Тем более что мой дар видеть оказался слабеньким.

И всё-таки иногда я замечала лучики. У моей начальницы они были оранжевыми. У подруги Ланы зелеными. И я почти не удивилась, увидев однажды мерзкий голубоватый отсвет на коже своего мужа, когда он в очередной раз пришел домой в три часа ночи. Вскоре он бросил нас, меня и нашу семимесячную дочку Аньку.

Бабкины слова оправдывались на все сто процентов – «сияние» и «голубые» всегда делали мне, да и не только мне, гадости, дружить я старалась с «зелеными», а у начальства обычно замечала легкую «багровость». Цвет, который моя бабка называла «абрикосовым», я заметила только раз – у безногого парня, который просил милостыню возле почты. Я всегда ему подавала, даже если в кошельке оставалась только мелочь на хлеб.

После родов я сильно располнела, да так и не смогла сбросить лишние 10 килограмм. А неудачный брак надолго подорвал веру в собственную привлекательность. Когда Анька пошла ножками, я отдала её в детсад и вернулась на свою

прежнюю работу – в библиотеку. Вообще-то я окончила училище культуры, но культура была в глубоком застое, и делать там было нечего. В библиотеке хоть как-то платили. Плюс я подрабатывала тамадой – вела свадьбы и вечеринки. Одна свадьба – половина моей зарплаты библиотекаря. Помогали родители и младшие братья, которые без памяти любили племянницу.

Потом я встретила Димку и снова вышла замуж. Памятуя первый брак, долго присматривалась к будущему спутнику жизни в прямом и переносном смысле. Димка был «зеленым». Когда он наконец-то предложил пожить вместе, для проверки чувств, я с радостью согласилась. При этом искренне недоумевала – что он-то во мне нашел? Высокий, красивый, и зарабатывает хорошо – программист сразу на нескольких предприятиях, в том числе и в библиотеке, по договору.

Мы безоблачно жили втроём, я уже подумывала о том, чтобы завести второго ребенка, а потом...

Потом появилась Ангелина.

Сначала она мне даже понравилась – тихая, вежливая и такая красивая! Я до боли в скулах завидовала её худобе. Сквозь прозрачную кожу можно было увидеть голубые вены, а царственная осанка как будто намекала, что в предках

у Гели были как минимум короли. Особенно хороши были печальные серые глаза. На классически прекрасном лице выделялись пятна какого-то чахоточного румянца. Темные волосы Гелька закалывала в простой пучок. И одевалась она просто – джинсы, свитера, мешковатый пуховик...

А спустя пару месяцев Ангелину невзлюбили все бабы в библиотеке. Увидев её хоть раз, мужики как с цепи срывались. Скоро я сама стала свидетельницей неприятной сцены, когда Ванька, муж нашей методистки Наташки буквально молил Гельку, чтобы она позволила ему отвезти её домой. Она молчала, отворачивалась и только вздрогнула нервно, когда он схватил её тонкие пальцы. Я не выдержала – вышла.

Прошло еще две недели. Я уже собиралась домой и вдруг услышала тоненькие воющие звуки. Это Наташка плакала в своём кабинете, уронив голову в колени, руки сцеплены на затылке...

– Что случилось, Наташ?

Спустя полчаса, с помощью пачки бумажных носовых платков и стакана валерьянки, я выяснила, что Ванька подал на развод, потому что:

– Лю-у-убит он Гельку нашу, представляешь? Вот сука! А детей наших он не любит! Меня не любит! Её любит! Так самое главное, знаешь что? Она ведь ему отказала! А он все

равно со мной разводится – «не могу, говорит, я с тобой жить больше»... Ну что мне делать дальше? Ведь 15 лет мы прожили вместе, 15 лет! Двоих детей нажили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.